

Марк Алданов.

В. Ф. Ходасевич

Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. -- М.: Республика, 1994.

OCR Бычков М. Н.

[...] Я не знал в России В. Ф. Ходасевича. Познакомился с ним в "мачехе российских городов", в Берлине, лет шестнадцать или семнадцать тому назад. Помнится, нас познакомил Андрей Белый. Позднее, в Париже, в течение некоторого времени мы встречались с Владиславом Фелициановичем постоянно за общей работой: совместно редактировали литературный отдел "Дней". По окончании редакционных дел часто засиживались в кофейнях. Он любил и умел рассказывать, говорил охотно о прошлом, о литературной Москве.

Из писателей, живущих теперь в эмиграции, этот мир или мирок хорошо знали И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, К. Д. Бальмонт, С. В. Яблоновский¹; но у каждого из них был там *свой*, более тесный, круг знакомств и наблюдений. Того, о чем рассказывал Ходасевич, теперь, после его кончины, после кончины Белого, уже, вероятно, не знает никто. Мне все это было чрезвычайно интересно: я знал только литературную жизнь Петербурга, да и ту недостаточно, далеко не всю. Немало из рассказанного в статьях "Некрополя" я в свое время слышал в устной передаче Владислава Фелициановича. Именно поэтому особенно тяжело было теперь читать книгу: вспоминалось все, вплоть до интонаций, в его живом, часто блестящем, рассказе. В своей статье "Андрей Белый" он говорил: "Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории. Я уверен, что они и безнравственны, потому что только правдивое и целостное изображение замечательного человека способно открыть то лучшее, что в нем было. Истина не может быть низкой, потому что нет ничего выше истины. Пушкинскому "возвышающему обману" хочется противопоставить *нас возвышающую правду*: надо учиться чтить и любить замечательного человека со всеми его слабостями и порою даже за самые эти слабости. Такой человек не нуждается в прикрасах. Он от нас требует гораздо более трудного: полноты понимания" (Некрополь. С. 62). Могу засвидетельствовать, что сам он правил о "нас возвышающей правде" следовал тоже не вполне неуклонно: многое в печати значительно смягчил по сравнению с устными рассказами. Так, несомненно, очень смягчены в книге, -- говорю это с полной уверенностью {Это было уже написано, когда я прочел в "Сегодня" (21 июня 1939 г.) статью Н. М. Волковыского. Автор приводит выдержки из письма к нему Ходасевича о Горьком: "Горький-общественник стал мне нестерпим смесью лжи с глупостью". "Горький легковверен и лжив, это его основное качество. Поверьте, за два с половиной года совместной и теснейшей жизни я успел хорошо его узнать..." -- *Примеч. М. Алданова.* }, -- его суждения и рассказы о Максиме Горьком.

Вся молодость Ходасевича прошла с московскими символистами. Круг этот был особый, своеобразный, ни на что другое, думаю, непохожий. "Символисты не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной. Символизм не хотел быть только художественной школой, литературным течением. Все время он порывался стать жизненно-творческим методом, и в том была его глубочайшая, быть может, невоплотимая правда, но в постоянном стремлении к этой правде протекла, в сущности, вся его история. Это был ряд попыток, порой истинно героических, найти сплав жизни и творчества, своего рода философский камень искусства. Символизм упорно искал в своей среде гения, который сумел бы слить жизнь и творчество воедино. Мы знаем теперь, что гений такой не явился, формула не была открыта. Дело свелось к тому, что история символистов превратилась в историю разбитых жизней, а их творчество как бы недовоплотилось... Внутри каждой личности боролись за преобладание "человек" и "писатель". Иногда побеждал один, иногда другой. Победа чаще доставалась той стороне личности, которая была даровитей, сильнее, жизнеспособнее. Если талант литературный оказывался сильнее -- "писатель" побеждал "человека". Если сильнее литературного таланта оказывался талант жить -- литературное творчество отступало на задний план, подавлялось творчеством иного, "жизненного" порядка. На первый взгляд странно, но в сущности последовательно было то, что в ту пору и среди тех людей "дар писать" и "дар жить" расценивались почти одинаково..."

Статьи "Некрополя" и в еще большей степени устные рассказы Ходасевича были живым развитием этих мыслей. Полностью подтверждаются они и воспоминаниями Белого, и дневниками Блока. Должен сказать, что в тот долгодетний период, когда я лично знал В. Ф-ча, к нему самому все им